

М а с т е р к р и м и н а л ь н ы х т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

ТРИУМФ КАРЬЕРИСТА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Триумф карьериста / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-165688-1

Это не должно было произойти. Такое просто НЕ МОГЛО произойти! В здании кабинета министров, на своем рабочем месте, среди бела дня, убит вице-премьер правительства Мальцев. Там, куда никогда не проникнет случайный человек. Где никто не сможет зайти в кабинет вице-преьера без согласования. Где всё напичкано камерами, где полно охраны, где каждый шаг подчинен строгому регламенту.

И все же — это случилось. Чудовищно. Необъяснимо.

Не предавая огласке позорную информацию, убитого срочно и торжественно хоронят. Официальная версия — смерть от сердечного приступа.

Дочь вице-преьера не может смириться с ложью и просит эксперта Дронго найти убийцу. Сыщику не впервой заниматься сложными расследованиями. Но когда на его пути встают федеральные службы, отвечающие за безопасность первых лиц государства и не желающие огласки, то расследование превращается в тонкую, умную и крайне опасную игру...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165688-1

© Абдуллаев Ч.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Когда рождался ты — сова кричала,
Безвременье вещая, плакал филин,
Псы выли, ураган крушил деревья,
Спускался на трубу зловещий ворон,
И хор сорок нестройных стрекотал.
И мать твоя, хотя страдала больше,
Чем матери другие, родила
Себе отрады меньше, чем должна бы, —
Бесформенный, уродливый комок,
На плод такого древа непохожий.
С зубами ты родился в знак того,
Что в мир пришел, чтобы терзать людей.

Уильям Шекспир. Генрих VI

Не бойтесь никаких соблазнов, никаких искушений, никакой свободы, не только внешней, общественной, но и внутренней, личной, потому что без второй невозможна и первая. Одного бойтесь — рабства и худшего из всех рабств — мещанства и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и стал хам, а воцарившийся хам и есть черт — уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира сего, *Грядущий Хам*.

Дмитрий Мережковский

Глава первая

Он протянул руку и почувствовал, как на раскрытую ладонь упала первая капля дождя. Теперь нужно будет подумать о зонтике, решил Дронго, оглядываясь по сторонам. Или скорее пройти к станции метро, чтобы укрыться от начинающегося дождя. На нем был легкий серый костюм, но лондонская погода даже в июле бывает не всегда предсказуемой. Он повернулся, чтобы вернуться к станции метро, когда услышал телефонный звонок. Кажется, не самое лучшее время, привычно подумал Дронго. Хотя это неперемное условие всех мобильных аппаратов — звонить в самое неподходящее время. В конце концов, человечество сделало все, чтобы обеспечить себе подобную

ежеминутную связь почти в любой точке Земли. И теперь с этим приходилось мириться.

— Слушаю, — не очень довольным голосом произнес он.

— Добрый вечер, — услышал Дронго голос своего напарника Эдгара Вейдеманиса, — у тебя такой голос, как будто я тебя разбудил.

— Почти. Если ты быстро не скажешь, зачем позвонил, то я рискую попасть под сильный дождь и испортить свой летний костюм.

— Где ты находишься? В Риме?

— Нет. В Лондоне. — Дождь усиливался, и он ускорил шаг.

— Тогда понятно. У вас еще день. Разница с Москвой три часа, — сказал Вейдеманис.

— Теряешь квалификацию, — шутливо пробормотал Дронго, — ты обязан помнить, что после того, как Москва и Баку почти солидарно отменили переход на летнее время, в июле часовая разница между ними и Лондоном сокращается до двух и трех часов соответственно. И сейчас здесь уже пять часов вечера.

— Понятно. Ты идешь и разговариваешь?

— Нет. Я уже бегу, и у меня нет зонтика.

— Тогда зайди в какое-нибудь кафе, чтобы ты мог со мной спокойно переговорить. Не на ходу.

— Это так срочно?

— Желательно переговорить, — пояснил Эдгар. — Во всяком случае, чем быстрее, тем лучше.

— Ладно. Сейчас зайду куда-нибудь. Кажется, рядом есть что-то приличное. Позвоню через минуту.

Он увидел впереди двери знакомого сетевого кафе и вошел в помещение, куда спешили и остальные гости, застигнутые усилившимся дождем. Простояв в очереди, он взял себе «белый чай», как его называли англичане, то есть черный чай с молоком, и прошел дальше, устраниваясь за столиком. И только затем достал свой телефон, набирая номер.

— Восемь с половиной минут, — сразу сказал Вейдеманис, — теряешь квалификацию, — так же шутливо повторил он.

— Я стоял в очереди за чаем, — возразил Дронго, — и кроме меня сюда набралось достаточно много людей, которые собираются переждать начавшийся дождь. Уже не дождь, а ливень.

— Понятно. Теперь можешь говорить?

— Раз позвонил, могу. Что случилось? Судя по твоему решительному настрою, нечто очень срочное?

— Возможно. Ты слышал про смерть российского вице-премьера Мальцева? Это имя тебе что-то говорит?

— Какой Мальцев? Разве он умер? Не слышал, его звали...

— Николай Антонович Мальцев. Ему было шестьдесят два года.

— Хороший возраст для мужчины, — пробормотал Дронго, — такой солидный дяденька в очках. Я еще обращал внимание, когда показывали заседания российского правительства. Там он выделялся среди вице-премьеров. Был похож на такого серьезного профессора ботаники.

— Почему ботаники?

— Некий ассоциативный ряд. Или биологии. Может, из-за его очков. Что случилось? Когда он умер?

— Две недели назад. Ты как раз в это время летел из Штатов. Поэтому не обратил внимания.

— Может быть. Значит, действительно теряю квалификацию. Должен был обратить. И как он умер?

— Сердечный приступ. Когда приехали врачи, было уже поздно. Умер прямо в своем кабинете, на рабочем месте. Можно сказать, «сгорел на работе».

— Понятно. У мужчин в этом возрасте случаются инфаркты. И в чем там проблема?

— Мне позвонил мой хороший знакомый, Марат. Ты должен его помнить, он театральный критик.

— Помню.

— Вот он и попросил меня принять дочь Николая Антоновича.

— Очень мило с его стороны. И ты, конечно, не стал ему отказывать, учитывая, что он даже

не твой близкий знакомый, а хороший знакомый твоей дочери.

— И поэтому я с ней встретился.

— Начало многообещающее. И ты встретился с ней...

— Да. Но до этого я разговаривал с Наирой и сказал, что ты скоро прилетишь в Москву.

— Здесь уже приятней. Как у нее дела на работе?

— Это ты можешь узнать у нее сам, — усмехнулся Вейдеманис, — ты ведь обязательно ей позвонишь, когда прилетишь в Москву?

— Мерзавец, — шутливо возмутился Дронго, — как тебе не стыдно. Я женатый человек. Хорошо, что тебя не слышит Джил.

— Значит, ты не будешь ей звонить. И ты хочешь, чтобы я в это поверил?

Майор Наира Рахимова принимала участие в секретной операции, где была задействована в мероприятиях против самого Дронго. Но он почти сразу ее разоблачил, поняв, что перед ним совсем не тот человек, за которого она себя выдавала. Затем у них было несколько бурных свиданий, после которых он улетел к своей семье в Рим. И, дважды возвращаясь в Москву, он всегда звонил Наире, и они с удовольствием встречались, с нетерпением ожидая этих встреч.

— Не нужно верить. Давай рассказывай, зачем тебя хотела видеть дочь бывшего вице-премьера?

— Она пришла сегодня днем к нам на проспект Мира, и мы с ней говорили почти полтора часа. Умная и серьезная женщина. Доцент Московского государственного университета. Будешь смеяться, но она биолог. Хотя ее покойный отец был инженером-строителем.

— Не буду, что дальше?

— Она убеждена, что ее отец не мог умереть от инфаркта. Или от сердечного приступа.

— Так... Интересно. И на чем базируются ее доводы?

— Отец прошел диспансеризацию за неделю до своей кончины. У него были почти идеальные показатели. Я имею в виду с сердцем. Хотя я уточнил, что у Николая Антоновича был диабет второй степени.

— Учитывая его тучность, нет ничего странного. И тогда почему она не верит в инфаркт? У него не могли быть идеальные показатели, если он страдал от диабета.

— Диабет второй степени. Иногда поднимался сахар. Но он принимал таблетки. Во всяком случае, уровень холестерина в крови был нормальным. Она принесла его последние анализы.

— Он мог понервничать на работе и получить сердечный приступ, а потом обширный инфаркт. Вскрытие делали?

— Нет. В том-то и дело, что нет. Его сестра работает заместителем главного врача в крем-

левской поликлинике. И она не разрешила «потрошить» своего брата. Понимаешь? Врачи появились у него в кабинете, когда он уже задыхался, и ничего не смогли сделать. Тело сразу отвезли домой.

— Это уже непорядок. Умирает вице-премьер в своем кабинете, и ему не проводят вскрытие, чтобы установить причину смерти. Как такое возможно?

— Сначала его сестра, а потом и его брат.

— Он тоже в кремлевской клинике?

— Бери выше. Он заместитель руководителя секретариата премьер-министра. И он был первым, кто оказался рядом с Николаем Антоновичем, пытаясь оказать ему первую помощь. Они работают в одном здании и даже на соседних этажах.

— Как хорошо, что у меня нет таких высокопоставленных родственников, — пробормотал Дронго, — иначе меня, после того как убьют, похоронят без соответствующей проверки.

— А ты обязательно хочешь, чтобы тебя разрезали? Тогда не волнуйся. Если умрешь раньше меня, то я прослежу. Хотя лучше не нужно. Умирать лучше в своей постели и в девяносто лет.

— Мой отец шутил, что умирать нужно здоровым, стараясь не попасть в руки к врачам, — вспомнил Дронго. — Значит, вскрытия не было. А дочь что-то заподозрила?

— Она говорила с его врачом. И самое главное, что у отца был заказан тур в Италию, куда он купил билеты и должен был уехать со своей супругой.

— Это ничего не значит. Тучный человек, по-нервничал на работе. Слабые сосуды, осложненные диабетом. Все могло быть.

— Она убеждена, что отец не мог неожиданно умереть. И настаивает на вскрытии тела. Но она понимает, что это вызовет грандиозный скандал и повредит репутации всей семьи. Ей даже сказали, что это повредит интересам государства.

— Государственные интересы. Конечно. Он же был вице-премьером.

— Поэтому ее дядя объяснил ей, что это просто невозможно.

— Могу представить, что он ей говорил. Где похоронили ее отца?

— На Новодевичьем кладбище.

— Тогда все. Это как мавзолей. Там не разрешат делать эксгумацию.

— Верно. Она об этом знает. И поэтому решила с нами посоветоваться. Хотя честно призналась, что ее дядя был категорически против этого визита. И супруг тоже.

— И зачем она рассказала все своему дяде? Это усложнит любую проверку в тысячу раз. Что дальше?

— Она все равно решила просить тебя о помощи.

— Интересно. Как она себе это представляет? Кажется, у Шерлока Холмса с его другом Ватсоном была такая история, когда они пытались играть роль воров, влезая в чужой дом. И не смогли уйти, не оставив следов. Что мы, по моему мнению, должны будем сделать? Забраться ночью на самое охраняемое в мире кладбище и тайком вырыть труп бывшего вице-премьера? Потом исследовать тело и, не знаю каким образом, доказать, что его убили? Точнее, отравили, ведь внешних признаков насильственной смерти наверняка не было...

— Не было... — подтвердил Эдгар, — иначе обязательно бы настояли на вскрытии.

— Вот видишь. Вице-премьеру не повезло с родными. Или, наоборот, очень повезло. Сначала прибежал его высокопоставленный брат. А потом вмешалась и его сестра. И так его с почетом похоронили на самом престижном кладбище в стране, а теперь дочь начала убеждать, что смерть выглядит подозрительно.

— Правильно мыслишь.

— Что ты ей сказал?

— Обещал передать наш с ней разговор. И сразу перезвонил тебе. У вас дождь закончился?

— Еще нет. Зато чай у меня закончился. И все-таки какие у нее есть основания? Или только непонятные подозрения?

— Она говорит, что отец чувствовал себя прекрасно и должен был лететь в Италию.

— Я приведу тебе тысячу примеров, когда люди должны были куда-то лететь или соби- рались на отдых, а их планы неожиданно разру- шала внезапная смерть. Особенно в его возрасте и при его тяжелой работе.

— Она говорит, что мать тоже не верит в сердечный приступ. У ее матери какое-то непонят- ное чувство, словно голос изнутри. Она все вре- мя видит мужа во сне.

— Только не говори, что у них в доме появля- ется тень умершего Мальцева.

— Не говорю. Но женщин убедить сложно, если они так считают.

— Ты понимаешь, что все эти рассуждения выглядят достаточно наивно. Психологически все понятно. Когда человек долго болеет и умирает, то к этому финалу все постепенно привыка- ют. Когда человек умирает неожиданно, смерть кажется неестественной и вызывает своеобраз- ный шок.

— Есть еще несколько фактов, которые она мне сообщила, — сказал Эдгар.

— Какие факты?

— Отец позвонил ей утром и сказал, что они должны серьезно поговорить. Она удивилась и спросила, о чем именно? И он сказал, что это не телефонный разговор и что он обязан сообщить ей важную информацию. Голос у него был странный, как она выразилась. А через два часа он неожиданно и скоропостижно умер.

— Это уже политический детектив. Ты думаешь, был заговор? В путинской России? И кого собираются менять? Президента Путина или премьера Мишустина? Владимир Владимирович управляет страной уже больше двадцати лет. И, судя по всему, собирается управлять еще много лет, а потом снова назначит преемника. И в отличие от товарища Сталина, это не будет ниспровергатель Хрущев, а кто-то из его близкого окружения...

— Опять Медведев?

— Нет, конечно. Может, Шойгу, хотя не уверен. Или новый министр экономического развития. Говорят, он ходит в любимчиках Путина. В любом случае в путинской России политические убийства уже невозможны. Эра закулисных интриганов и олигархов закончилась с уходом Ельцина. Сейчас выстроена жесткая вертикаль власти, при которой каждый знает свое место.

— Интересно, о чем отец хотел говорить со своей дочерью?

— О чем угодно. Например, о ремонте на даче. Или собирался предложить ей отправиться с родителями в Италию. Она живет с родителями или одна?

— Нет, со своей семьей. У нее муж и дочь.

— Сколько ей лет?

— Тридцать девять.

— Взрослая женщина. Я должен был понять. Доцент МГУ не может быть совсем молодой девушкой. Хотя сейчас возможно все, что угодно. А ее дочери сколько?

— Кажется, десять или двенадцать. Я не уточнял.

— Мужа тоже куда-то устроили на «хлебную должность»?

— Он заместитель министра связи.

— Просто семейный подряд. Все случайно оказались во власти. Хотя если твой тесть вице-премьер, а его брат работает в секретариате премьера, то грех не воспользоваться такой ситуацией. Понятно. Как ее зовут?

— Екатерина Николаевна.

Дронго взглянул на улицу.

— Кажется, дождь заканчивается, — пробормотал он.

— Что? — не понял Вейдеманис.

— Дождь заканчивается. Теперь объясни, что мы должны делать? Найти доказательства возможного отравления ее отца?

— Верно.

— Доказать убийство вице-премьера правительства. В путинской России, где все под строгим контролем самого президента. Где идеальная вертикаль власти... Если бы было хоть малейшее подозрение, они бы уже проверили. Мальцев все-таки входил в первую двадцатку самых влиятельных людей государства. Надеюсь, ты деликатно ей пояснил, что мы ничего не сможем сделать?

— Я пообещал, что ты приедешь и вы встретитесь, — почти виновато пробормотал Эдгар.

— Спасибо. Мне только неприятностей со службой охраны президента не хватало. Или она не понимает, что никто не позволит проводить подобное расследование? Во имя государственных интересов.

— Все понимает, но настаивает. Говорит, что у ее матери есть нехорошее предчувствие.

— Какой убедительный довод. Дождь наконец закончился.

— Обещает выплатить хороший гонорар, — добавил Вейдеманис.

— Обеспеченная женщина. Понимаю, что она потрясена смертью своего отца, но весь этот разговор выглядит не очень серьезно. И самое неприятное, что к этому делу просто невозможно подступиться ни с какой стороны. И ее дядя аб-

солютно прав, когда советовал не обращаться ко мне.

— Я сказал, что мы подумаем, как ей помочь.

— Ты считаешь, что я теперь должен прилететь в Москву? Может, она увидела во сне, что ее отца отравили! Это тоже считается убедительным фактом?

— Она уверена, что отца отравили, — снова повторил Эдгар. — Я пообещал.

— Даже не поговорив со мной?

— Кроме того, через два дня день рождения Наиры, и ты, возможно, захочешь ее лично поздравить.

— Послушай, ты просто интриган. Непорядочный человек, — рассмеялся Дронго. — Мне все ясно. Ты точно знал, что я все равно прилечу в Москву. Ладно. Завтра вылетаю. Только предупреди Екатерину Николаевну, чтобы у нее не было никаких иллюзий. Дело абсолютно тухлое. К могиле ее отца будет невозможно подступиться. Можешь представить, какой будет грандиозный скандал, если кто-то вообще узнает о намерении провести расследование по факту смерти вице-премьера? Или она думает, что я могу вызывать духов с того света?

— Она говорит, что ей столько рассказывали о тебе.

— Моя репутация меня погубит, — выдохнул Дронго. — Ладно. Сейчас закажу билет на завтра

ТРИУМФ КАРЬЕРИСТА

в Москву. Хорошо, что отсюда летают большие двухэтажные «Боинги». Не люблю, когда в маленьких самолетах нас сильно трясет.

— И конечно, я не буду предупреждать Наиру о твоём приезде, — лукаво уточнил Вейдеманис.

— Если уже не предупредил, — усмехнулся Дронго. — В общем я перезвоню, когда закажу билет. И передай Екатерине Николаевне, что мы встречаемся с ней завтра вечером.

Глава вторая

Вечером коллеги сидели в квартире, когда раздался телефонный звонок. Женщина приехала на своей машине и спрашивала, как ей пройти в дом.

— Мы уже предупредили консьержа, — сообщил Вейдеманис, — можете подняться.

Через пять минут в квартиру вошла Екатерина Николаевна. Она была в сером платье, на ногах полусапожки. Острый нос, немного раскосые глаза, очки, вытянутое, худое лицо, собранные волосы, почти не было следов косметики. На руках были достаточно скромные часы. Хотя сумочка была от очень известной французской фирмы. Эта женщина была похожа на преподавателя средней школы, но никак не на дочь вице-преьера и супругу

заместителя министра. Пожав руку Дронго, она прошла в гостиную, усаживаясь в кресло, которое ей предложил хозяин квартиры. Он сам уселся напротив, Вейдеманис пристроился на диване.

— Что-нибудь хотите выпить? — уточнил Дронго.

— Нет, спасибо, — отказалась гостья, чуть поевшись, словно ей было зябко, — вам ведь уже сказали, почему я пришла.

— Да. Соболезную вашему горю. Это всегда тяжелая трагедия, когда теряешь родителей. Тем более так неожиданно.

— Именно так. Неожиданно. Дело в том, что мой дедушка, папин отец, жил почти до восьмидесяти. У них в семье были долгожители.

— На Кавказе восемьдесят лет — это достаточно средний возраст, — мягко заметил Дронго, — но вы правы. Генетика имеет значение. Вы ведь биолог. И закончили МГУ?

— Верно.

— А потом остались на кафедре, защитили диссертацию, стали доцентом. — Он не спрашивал, он утверждал. — Наверняка сейчас пишете докторскую?

— Уже закончила, — без тени улыбки сообщила Екатерина Николаевна, — скоро должна быть защита. Просто этот случай... эта трагедия...

Она тяжело вздохнула.

— Я понимаю, — участливо произнес Дронго.

— Мы с мамой уверены, что он не мог просто так умереть, — сказала гостя, — он был очень сильным и волевым человеком.

— Вы считаете, что сильные и волевые не уходят, как все остальные. Извините, что я несколько циничен.

— Конечно, уходят. Но вот так...

— Если у вас были какие-то подозрения, их можно было легко проверить сразу после кончины вашего отца. Достаточно было провести обычное обследование.

— Мы были в таком состоянии. И мама просила, чтобы его не трогали. И моя тетя Клавдия тоже настаивала.

— Эта сестра вашего отца, которая работает в кремлевской поликлинике?

Женщина растерянно посмотрела на Вейдеманиса.

— Вы навели о нашей семье справки? — спросила она.

— Нет. Вы сами рассказали о своей тете моему напарнику, — ответил Дронго.

— Да, действительно. Я начинаю все забывать. После всего случившегося. Так получилось, что туда приехали все. И моя тетя, и мой супруг.

— Итак, все не хотели вскрытия, но после похорон у вас с матерью появились крепнущие убеждения, что его смерть, возможно, не была случайной.

— Мы в этом сомневаемся. Я узнала, что он звонил маме и предложил ей взять меня с собой в Италию. И мою дочь. Понимаете, он планировал поездку. И еще он позвонил мне сказать, что хочет со мной серьезно поговорить.

— Может, он и собирался предложить вам эту поездку? Вы ведь изначально не планировали отправляться в Италию все вчетвером?

— Нет. Но он сказал маме, что хочет взять с собой меня и внучку Настю. Чтобы мы поехали все вместе.

— И вы считаете, что он хотел поговорить о чем-то другом?

— Уверена. Он мог бы сообщить о поездке по телефону. И не стал бы планировать серьезный разговор с глазу на глаз.

— Понятно. У вас были с ним хорошие отношения? Простите, что спрашиваю.

— Идеальные. Он меня просто обожал.

— У вас есть братья и сестры?

— Нет. К сожалению, нет.

— Почему? Ведь ему было шестьдесят два. Значит, вы появились, когда вашему отцу было около двадцати трех лет. Очень молодой возраст. И потом не было детей? Я спрашиваю для понимания ваших отношений.

— Все правильно, — кивнула Екатерина Николаевна, — я была первым ребенком. Родители поженились, как только закончили институт.

Они вместе учились. И я родилась через год. Ну а после... после случилась трагедия. Родители попали в тяжелую аварию. Мама была на восьмом месяце. Должен был родиться мальчик. Она потеряла ребенка и больше уже никогда не могла рожать. Мы никому не рассказывали об этой трагедии. Но на маму она сильно подействовала.

— Понимаю, — мрачно кивнул Дронго, — значит, вы были единственной и любимой дочерью. И поэтому вы так убеждены, что о совместной поездке в Италию отец мог сообщить вам и по телефону.

— Да. Тем более что он сказал об этом маме.

— Вы говорили, что в момент смерти в кабинете вашего отца был его брат?

— Да. Младший брат моего отца. Денис Антонович. Он тоже работал в Совете министров и прибежал сразу, как только позвонила секретарь моего отца. Но когда он прибежал, было уже поздно.

— У вашего отца были хорошие отношения с братом?

— Конечно. Они вместе ездили на рыбалку по воскресеньям, папа очень любил сыновей моего дяди, моих двоюродных братьев. Их детей. Один из них сейчас работает в нашем посольстве в Египте. Советником посольства, а другой

в Министерстве экономического развития. Папа любил их как родных сыновей.

— Что вполне объяснимо.

— Да, наверно.

— А ваш супруг?

— Дядя рассказал, что он прибежал в кабинет уже после врачей, которые констатировали смерть. Они договаривались встретиться с отцом.

— Понятно. Какие отношения были у мужа с вашим отцом?

— Нормальные.

— Говорят, что все любящие отцы немного ревнуют своих дочерей к их мужьям?

— Не знаю. Я об этом никогда не думала, — сухо произнесла гостья.

— А у вашей тети Клавдии есть дети, муж?

— Есть, конечно. Муж — Сабир Валеевич Сабитов, он заместитель генерального директора какого-то крупного предприятия, кажется электротехнического. Я всегда путаю. Их дочь — Виктория, сейчас заместитель главного врача в Санкт-Петербурге. И ее супруг тоже врач. Такая династия врачей получилась.

Она просто констатировала факт. Не улыбаясь и не меняя серьезного выражения лица. Было заметно, что горе потрясло молодую женщину. Она достала носовой платок, повертела его в руках и снова убрала в сумочку.

— Извините, что я так подробно расспрашиваю, но мне важно понять отношения внутри вашей семьи. Чтобы представить себе картину в целом. Ваш супруг по специальности тоже биолог?

— Нет, — покачала она головой, — нет. Мы познакомились уже после того, как я уже защитила диссертацию.

— И сейчас он работает заместителем министра связи?

— Да, правильно.

— Ваш отец помогал ему с карьерой? Простите, что спрашиваю, но мне важны любые детали ваших семейных отношений.

— Конечно, нет, — печально ответила гостя, покачав головой. — Нужно было знать моего отца. В таких вопросах он бывал более чем принципиальным человеком. Считал, что нельзя пользоваться родственными связями. Моему мужу больше помогал мой дядя, Денис Антонович.

— Сколько лет вашей дочери?

— Десять. Недавно исполнилось.

— У вас только одна дочь?

— Да. Так получилось, что я была постоянно занята на работе. Муж тоже делал карьеру. Не сложилось...

— Вы ведь биолог по образованию и должны понимать, что если это было предумышленное

убийство, то вашего отца могли отравить только в день его кончины. Вряд ли кто-то стал бы рисковать, давая ему яд длительного действия.

— Я об этом тоже подумала.

— Хотя в реальность такого сюжета верится с трудом. Отравить вице-преьера российского правительства — это слишком дерзкий вызов, который может спровоцировать потрясение в обществе. В наше время такое просто невозможно. Не думаю, что на такой шаг мог кто-то пойти. Но в любом случае нужно будет проверить всех, кто заходил в тот день к вашему отцу, если есть такие подозрения. Вы, конечно, были знакомы с его секретарем?

— Отец работал с ней уже одиннадцать лет. Елизавета Трофимовна. Они начинали еще в «Росвооружении», где работали вместе. Он ей очень доверял.

— Сколько ей лет?

— Около пятидесяти.

— Замужем?

— К сожалению, нет. И никогда не была, если вас интересует эта сторона вопроса. Таких обычно называют «старыми девами». Очень пунктуальная, дисциплинированная, всегда аккуратная, все помнившая. Она уже подала заявление, чтобы уйти из Кабинета министров обратно в агентство. Не хочет оставаться там без моего отца.

Такой верный и преданный друг. — Екатерина Николаевна, не выдержав, еще раз достала носовой платок, сняла очки и вытерла набежавшую слезу. Затем убрала платок, надела очки и взглянула на Дронго: — Извините. Мне все еще сложно об этом говорить.

Он кивнул в знак понимания.

— Мимо такой преданной женщины не мог проскользнуть незнакомый человек, — задумчиво произнес Дронго.

— Конечно, — согласилась гостья, — она очень уважала и даже любила моего отца. Это было заметно. И всю нашу семью, — быстро добавила она.

— У вашего отца были враги?

— Не знаю, — несколько растерянно ответила женщина, — не думаю, что были какие-то личные враги. Но, возможно, по службе были недоброжелатели. Не знаю, не уверена.

— Он не рассказывал о своей работе?

— Никогда. Даже маме ничего не говорил. Его прежняя работа в агентстве приучила к некоторой закрытости. Он был связан с разными секретными проектами. Наверно, сейчас уже об этом можно говорить. А прежде это было своеобразное табу. Потому в доме никогда не говорили о его служебных делах.

— Даже среди близких?

— Да. Я никогда не слышала, чтобы в доме обсуждались какие-нибудь служебные дела. Это было исключено.

— Но вы считаете, что его смерть не была случайной.

— Да, мы с мамой так думаем. Я в последние две недели все время остаюсь с ней. Вижу, как ей тяжело. Они с папой были знакомы со студенческих лет. И мама тоже не верит в его случайную смерть.

— Почему она не говорит об этом вашему дяде? Он занимает достаточно высокий пост, чтобы инициировать расследование.

— Она ему говорила. Но он считает, что все это не очень серьезно. И объясняет мамины слова ее нервным шоком. Так он говорил и своей супруге. Моей тете. В общем, он не верит в возможность каких-то других версий. Считает, что у отца случился обширный инфаркт. И все время твердит, что это государственные интересы.

— А ваша тетя Клава? Она ведь профессионал и должна была поставить под сомнение скоропалительные выводы медиков и встать на сторону мамы.

— Она считает, что у моей мамы нервное расстройство. Прописала ей успокаивающие лекарства. Но дело в том, что отец и мать были как две половинки одного целого. Говорят, что такое случается одно на тысячу или один на миллион. Они абсолютно чувствовали друг друга, жили друг другом. Когда отец на рыбалке одна-

жды сломал ногу, мать это почувствовала, сидя в доме. Это мистика или такая тесная связь? Не знаю, но так действительно было. Еще двадцать восемь лет назад. Говорят, что некоторые люди могут чувствовать боль близких даже на расстоянии.

— Есть легенда, что английская королева проснулась ночью и закричала, когда убивали ее детей, — вспомнил Дронго. — Такие случаи широко известны. Но вы должны понимать, что ваш отец был очень большим государственным чиновником, которого торжественно похоронили на самом престижном кладбище в России. И провести какие-то манипуляции с могилой просто невозможно.

— Я все понимаю. И все родные говорят нам об этом. Но Марат рассказывал, что вы великий сыщик. Простите, я говорю его словами. Он даже сказал, что вы не столько сыщик, сколько потрясающий аналитик, который по самым незначительным деталям сможет составить общую картину и добиться истины.

— В общем волшебник, — недовольно заключил Дронго, — такой фокусник Кио в криминальном мире.

— Я не хотела вас обидеть.

— А я и не обиделся. Это был скорее комплимент. Но боюсь, что мои способности в данном случае будут бессильны. Чтобы развеять

ваши подозрения, нужно будет добиться разрешения на эксгумацию тела. Вы четко представляете, что это такое? За последний век я не слышал, чтобы власти давали разрешение на эксгумацию в таком месте. Тем более человека, занимавшего такой высокий пост в государстве. Это будет просто грандиозный скандал.

— Я все понимаю. Но мама настаивает. Рационально объяснить такое поведение просто невозможно.

— И вы хотите, чтобы я нашел иррациональные объяснения?

— Во всяком случае, попытались. Я готова оплатить все ваши расходы. Простите, что я об этом говорю, но вы ведь частный детектив, не работающий на государство.

— К счастью, — согласился Дронго. — Обратите внимание, что все ваши родные и близкие против этого расследования.

— Кроме моей матери...

— Кроме вашей мамы, — согласился Дронго, — но этого пока явно недостаточно. Оставьте мне телефон Елизаветы Трофимовны. А еще лучше будет, если вы позвоните ей и попросите меня принять. Мне нужно будет с ней переговорить. И учтите, что я ничего не могу вам заранее обещать. Я только попытаюсь проверить некоторые ваши подозрения.

— Спасибо, — кивнула гостя.

— У вас сохранились костюмы вашего отца? — неожиданно спросил Дронго. — Я имею в виду костюм и рубашку, в которых он был в день своей смерти?

— Думаю, что да. Все пока лежит дома. Маме очень сложно открыть шкаф и просмотреть его вещи.

— Тогда нам нужно будет прямо сейчас поехать к ней домой. Чтобы вы пустили меня к этому шкафу с одеждой. И показали его вещи, в которых он был в тот роковой день. Ведь хоронили его наверняка в другом костюме.

— Да, — удивленно согласилась Екатерина Николаевна. — Я не совсем понимаю, для чего вам его костюм? Там нет пятен крови или чего-то похожего. Вообще нет. Простите, что я говорю об этом.

— Я не ищу пятен крови, — возразил Дронго. — Насколько я помню, ваш отец был достаточно грузный и полный человек, с копной густых седых волос. Таким я видел его в информационных выпусках новостей. И обратил внимание на его хорошие волосы. В таком возрасте. Вы же видите, что я начал терять волосы в достаточно молодом возрасте.

Она впервые позволила себе чуть улыбнуться.

— Поэтому мне нужен его костюм, в котором он был на работе, — продолжал Дронго. — И, воз-

можно, тогда мы сумеем получить хотя бы один факт в пользу вашей необычной версии.

— Я позвоню матери, — сразу согласилась гостья, — и сообщу, что вы приедете. Только учтите, что отец был очень чистоплотным человеком и его волосы вряд ли могли остаться на пиджаке или брюках. И я не помню, чтобы у него была перхоть.

— Но врачи, которые пытались его реанимировать, наверняка сняли с него галстук, расстегнули пуговицы на рубашке, чтобы сделать закрытый массаж сердца. Да один разряд дефибриллятора чего только стоит! — напомнил Дронго. — И поэтому у нас есть шанс найти его волосы.

— Наверно, вы правы, — согласилась женщина, доставая телефон. Это была очень дорогая и престижная модель. Дронго знал, что подобные гаджеты стоят от пяти тысяч долларов. Она набрала номер.

— Мама, — торопливо начала Екатерина Николаевна, — добрый вечер. Это я. Мы сейчас приедем вместе с экспертом, о котором я тебе говорила. Да, вместе приедем. Он хочет посмотреть папин костюм. Тот самый, в полоску. В котором папа был... — голос предательски дрогнул, — был... в тот день. Ты только ничего не трогай. Хорошо, я все поняла.

Гостья убрала телефон в сумочку и поднялась. Мужчины поднялись следом.

— Поедем, — кивнула Екатерина Николаевна, — моя машина во дворе.

— Вы за рулем? — уточнил Дронго.

— Не люблю, когда в машине кто-то посторонний, даже водитель. Это мое личное пространство, — пояснила она и направилась к выходу.

— У вашего отца был водитель?

— Конечно. И даже личный телохранитель. Такой своеобразный помощник. Очень хороший парень. Но в тот день отец отправил его куда-то на вокзал.

Дронго нахмурился.

— Вам что-то не понравилось? — догадалась гостья.

— В день, когда стреляли в «Крестного отца», его водитель заболел, — вспомнил Дронго.

— Какого «Крестного отца»? — удивилась женщина. — Я вас не совсем понимаю.

— Был такой американский фильм с участием Марлона Брандо и Аль Пачино. Может, помните.

— Что-то припоминаю. Но я не любитель подобных фильмов. Не понимаю, почему вы вспомнили про этот фильм?

— Такие совпадения почти не случаются, — пояснил Дронго. — Водитель «Крестного отца» был и его охранником. Он нарочно не вышел на работу, и рядом с его боссом оказался его ничемный сын, который не сумел защитить отца. А телохранитель был просто подкуплен.

— Это не наш случай, — сразу ответила Екатерина Николаевна.

— Ваша мгновенная реакция более чем убедительна.

— И вы думаете, что Габит мог оказаться причастным к убийству моего отца?

— Пока не доказано, что это убийство. Сколько лет этому Габиту?

— Чуть больше тридцати. Он недавно появился у отца. Предыдущий охранник вышел на пенсию. Очень исполнительный парень. Такой внимательный, вежливый.

Все трое прошли к автомобилю. Это был внедорожник «БМВ». Дронго усмехнулся. Внешний облик женщины не соответствовал ни ее автомобилю, ни ее телефону, ни ее сумочке. Словно столкнулись два разных мира. Она села за руль, и они поехали.

Мальцевы жили в сталинской высотке на Котельнической набережной. В большой гостиной пожилая женщина, вдова Николая Антоновича, любезно пригласила их выпить чаю. Отказываться было неудобно. Потом они еще долго слушали ее рассказы о покойном муже и его любви к рыбалке. Аделаида Серафимовна, казалось, забыла, зачем они появились в ее доме. Или не хотела позволить себе еще раз вспоминать о произошедшей трагедии. Было заметно, что подобный разговор дается ей с большим трудом.

— Мама, — наконец решительно произнесла ее дочь, — ты знаешь, почему они приехали. Им нужно посмотреть костюм. Костюм отца...

— Да, — виновато кивнула мать, — конечно. Пойдемте в спальню. Костюм висит там. В шкафу.

Они прошли в просторную спальню, и Аделаида Серафимовна открыла шкаф, показывая на костюм. Тяжело вздохнула. Дронго подошел к костюму, доставая небольшую лупу. Екатерина Николаевна сделала шаг, словно собираясь ему помочь, но Вейдеманис отрицательно покачал головой, чтобы она не мешала

Дронго достаточно долго исследовал пиджак, затем поднял один длинный седой волос.

— Это скорее не мужской, а женский, — задумчиво пробормотал он.

— Мамин, — выдохнула Екатерина Николаевна, — она плакала у него на груди. Не смогла сдержаться.

Он кивнул, продолжая осматривать пиджак. И за лацканом нашел два небольших жестких седых волоска.

— Возможно, они, — сказал Дронго, — хотя все без иллюзий. Они могли попасть туда и гораздо раньше. Я отправлю на экспертизу и волос вашей мамы. Если это действительно ее волос.

— Хорошо, — согласилась Екатерина Николаевна.

Было уже совсем темно, когда Дронго и Вейдеманис вышли из дома.

— Случайных совпадений не бывает, — вспомнил Эдгар об охраннике вице-премьера.

— Почти никогда, — подтвердил Дронго, — посмотрим. Хорошо, что костюм не чистили, иначе мы бы ничего не нашли.

— Они не думали об этом, — согласился Вейдеманис.

— Конечно, не думали. Мать с дочерью потрясены случившимся. И, возможно, негативно действуют друг на друга.

— Ты не веришь в умысел?

— Помнишь про «Правило Оккама»? Не умножай существо без необходимости. Возможно, всему есть простое объяснение? Как часто бывает во время наших расследований. Но я до сих пор верю в интуицию. Погибший Мальцев и его супруга знали друг друга много лет. Да еще и трагедия, произошедшая в молодости, когда они попали в аварию и она потеряла ребенка. Такие вещи иногда приводят к разрыву, а иногда так сильно скрепляют отношения, что люди начинают чувствовать друг друга. Я помню, как однажды Тонино Гуэрра рассказывал об отношениях Федерико Феллини и Джульетты Мазины. У них не было детей, произошла трагедия в начале их семейной жизни, Феллини систематически изменял своей супруге, но они были абсолютно

гармоничной парой. Подобное в жизни случается.

— Тогда понятно, — иронично заметил Эдгар, — тебе необходимо всегда оправдывать мужей, не отличающихся особой верностью.

— Что не мешает им любить своих жен, — в тон своему напарнику сказал Дронго. — Но в любом случае завтра мы поговорим с его секретарем, водителем и охранником.

— А я думал, что завтра ты будешь занят, — сохраняя невозмутимое лицо, пробормотал Вейдеманис. — Или ты еще не звонил Наире?

— Уже звонил из аэропорта, — рассмеялся Дронго. — Только заняты мы с тобой будем вечером. Ты приглашен на ее день рождения. А завтрашний день посвятим разговорам. И утром отправим волосы на экспертизу. Посмотрим, какое заключение мы получим.

Глава третья

Утром Эдгар отвез волосы в лабораторию, попросив провести экспертизу как можно быстрее. А Дронго позвонил секретарше погибшего. Уже через три часа он знал новости, которые заставили его сомневаться в собственной версии. Он приехал на Красноармейскую улицу к дому, где жила Елизавета Трофимовна. У нее была большая трехкомнатная квартира, которую, очевидно, пробил ей бывший начальник. Дронго поднялся на третий этаж и позвонил. Дверь открыла высокая худощавая женщина. Чуть вытянутое лицо, узкие глаза, внимательный взгляд, седые волосы собраны в тугий узел. Ей можно было дать и сорок пять, и пятьдесят пять, и шестьдесят пять. Она была одета в длинное серое платье.

— Это вы мне звонили, — уточнила Елизавета Трофимовна, пропуская гостя в квартиру.

Здесь было чисто и безжизненно, как бывает в квартирах, где нет детей и других обитателей. Где живет одна женщина, не допускающая в личную жизнь посторонних и не знающая радости материнства. Даже запах здесь был специфический. Дронго прошел и сел за стол. Чистая ска-терть, на столе небольшая сахарница.

— Хотите чаю? — спросила хозяйка.

— Нет, спасибо. Я хотел поговорить с вами о вашем бывшем начальнике. О Мальцеве.

— Я вас слушаю. Что вы хотите узнать?

— Вы работали с ним достаточно долго.

— Много лет. Наверно, Катя вам рассказала.

— Можете коротко его охарактеризовать? Мне нужна точная характеристика, а не хвалебная ода ушедшему.

— Хвалебная ода у меня не получится, — возразила она, — я его очень уважала. Он был требовательный, четкий, умный профессионал. Хорошо знающий свою работу. В общении с людьми был всегда вежливым, но не прощал ошибок. Никому не прощал. Однажды уволил своего помощника, с которым работал несколько лет, когда тот перепутал документы и внес в новый контракт не самые точные данные. Такая незначительная ошибка, но пришлось переписывать контракт, и Николай

Антонович сразу уволил провинившегося помощника. Вот таким требовательным он был. Не прощал ошибок. И я об этом всегда помнила.

— У вас были хорошие отношения?

— У нас были отношения начальника и секретаря, — холодно пояснила Елизавета Трофимовна, — но я полагаю, он мне доверял. Когда его назначили в Кабинет министров, он сразу предложил мне перейти вместе с ним. И я согласилась.

— Можно личный вопрос? — спросил Дронго.

— Сейчас уже все можно. После его смерти.

— Как лично вы к нему относились? Обычно сотрудницы часто влюбляются в своего шефа. Извините, что я об этом спрашиваю.

— Нет. Я в него не влюблялась, — сухо отрезала женщина, — и, разумеется, никогда не была его любовницей, если вы имеете в виду наши личные отношения. Он доверял мне, но я всегда помнила, что не имею права на ошибку. Он не простил бы мне любую оплошность. И я старалась его не подводить.

— Я не хотел вас обидеть, — мягко произнес Дронго. — А как он относился к своей семье?

— Очень любил свою супругу. И конечно, дочь. Катя была для него смыслом жизни. Потом появилась внучка, и он разделил свою любовь между дочерью и внучкой. Но он никогда

не позволял себе расслабляться на работе. Это был почти идеальный руководитель. За столько лет он не допустил ни одного промаха, ни одного прокола. Его очень ценили коллеги и сослуживцы.

— Идеальный руководитель... — сказал Дронго без тени сарказма.

— Да, — кивнула она, — почти идеальный. Такой штучный товар. Сейчас таких уже и не делают.

— А зять? Какие отношения у него были с зятем?

— Нормальные. Ровные, деловые. Хотя всем отцам кажется, что их дочь заслуживает гораздо лучших «принцев». Кстати, его брат — Денис Антонович продвигал родственника и занимался его карьерой. Иногда даже вопреки мнению Николая Антоновича.

— Вы подали заявление об уходе сразу после его смерти.

— Да. Решила, что не нужно там оставаться. Мне два года осталось до пенсии. И я могу провести их в гораздо более спокойном месте. Кроме того, мне было неприятно там оставаться после его ухода. У нового вице-премьера наверняка будет свой личный секретарь. А мне уже трудно привыкать к другому человеку.

— Я вас понимаю, — согласился Дронго. — Вы помните тот день, когда все произошло?

— Конечно. Никто из нас не ожидал подобного...

— Он когда-нибудь жаловался на сердце?

— Прежде — никогда! Даже если он неважно себя чувствовал, он бы никому об этом не сказал.

— А в тот день?

— Как вам сказать. Нет, он не жаловался. Но я заходила к нему и видела, как он нервничает. Держался за сердце. А потом даже спросил у меня, где можно найти валидол.

— Значит, проблемы с сердцем все-таки у него были?

— Выходит, были. Но только в тот злополучный день. Я так и сказала его брату Денису Антоновичу, когда он появился у нас в приемной. И его сестре.

— И поэтому все решили, что Мальцев умер от инфаркта. Ведь он просил у вас валидол, — мрачно сказал Дронго.

— Там были врачи. Ему пытались помочь, но все было безрезультатно.

— Вы можете более подробно рассказать, как это случилось?

— Конечно. Я сидела на своем месте, когда он позвонил и попросил меня зайти. Я вошла и увидела, как он уже не просто держится за сердце, а энергично массирует грудную мышцу. И очень бледный. Николай Антонович попросил позвать

врача. Я выбежала в приемную и сразу позвонила медикам.

— Долго ждали?

— Минуты две или три. Они почти сразу появились. Дверь была открыта, и я увидела, как Николай Антонович лежит на полу и врачи пытаются ему помочь. Было понятно, что у них ничего не получается. И тогда я позвонила Денису Антоновичу, и он почти сразу спустился к нам на этаж.

— Вы были одна в приемной?

— Сначала одна. Потом набежало много людей.

— А где был телохранитель Мальцева? Кажется, его звали Габит?

— Да. Такой аккуратный молодой человек. Но в этот день его не было на работе.

— Почему?

— Утром Николай Антонович послал его на вокзал. Забрать какую-то посылку.

— На какой вокзал?

— Кажется, на Курский.

— Что в посылке было?

— Понятия не имею. Я никогда не задавала лишних вопросов. Наверно, привез и сдал в общий отдел. Если это была личная посылка, то ее передали бы в семью. А если по работе, то оставил у нас. Но я не знаю, кому передали. Возможно, кому-то из заведующих отделами в Кабинете

министров. Может быть, забрал Денис Антонович.

— Габит давно работал с Мальцевым?

— Чуть больше двух лет.

— Мы можем ему позвонить? У вас есть его телефон?

— Конечно, есть! — с некоторым возмущением фыркнула женщина.

Дронго достал телефон, но она покачала головой и взяла свой. Набрала номер.

— Добрый день, Габит, — строго произнесла Елизавета Трофимовна, — извините, что беспокою. С вами хотят переговорить. Это друг семьи Николая Антоновича. Он эксперт, и его зовут господин Дронго.

Четко и коротко сообщила обо всем, отметил Дронго. Такой секретарь действительно бывает незаменим. Он взял телефон

— Здравствуйте, Габит.

— Добрый день, — услышал он в ответ. Молодой человек говорил по-русски без всякого акцента.

— Я хотел у вас уточнить, — продолжал Дронго, — в тот день, когда умер Николай Антонович, вы ездили на вокзал. Все правильно?

— Да, я был на вокзале.

— Какой вокзал?

— Курский. Николай Антонович попросил меня взять посылку.

— Что было в посылке?

— Не знаю. Я не спрашивал. Мне приказали забрать, и я поехал с нашим водителем.

— И кому вы ее сдали?

— Никому, — ответил Габит.

— Я вас не понял, — нахмурился Дронго, — как это никому. Она до сих пор у вас?

— Не было никакой посылки, — пояснил Габит. — Николай Антонович сказал, что она будет в камере хранения, и назвал номер ячейки. И еще сказал шифр. Я приехал на вокзал, нашел ячейку. Шифр был правильный. Я открыл дверцу, но там ничего не было. Я позвонил Мальцеву и доложил, что здесь ничего нет.

— Что он ответил?

— Сказал, что он знает. Что он понимает. Примерно так.

— А если не примерно. Что именно он сказал, когда вы сообщили, что посылки не было?

— Он сказал: «Я так и думал». Нет. Он сказал: «Я так и предполагал». Вот так правильно. И сразу отключился.

— А когда вы приехали, вы говорили с ним об этой посылке?

— Нет. Мы попали в пробку и приехали через час. Когда все уже закончилось. Когда было уже поздно. И никто меня об этой посылке больше не спрашивал.